

ных женского рода с мягкой основой имеет окончание *ьми*: учтивостьми (ч. III, стр. 4). Прилагательные и причастия женского рода в родительном падеже единственного числа оканчиваются на *ья*: почитаемья (ч. III, стр. 39), влиянья (ч. IV, стр. 152).

Образование причастных и деепричастных форм в особенности носит славянский отпечаток: «уже *вообразуемое* нещастие смертию мне угрожало» (ч. II, стр. 29); «бежит в комнату твою, *дая* только волно негодной своей страсти» (ч. III, стр. 20). Интересны у Елагина аористные формы глагола, большей частью в контаминированном виде: «и меня отвесть туда хотех» (ч. I, стр. 40); «почувствовав рану, возопила она жалким голосом» (ч. II, стр. 6); «обещавал мне науचितвейшими выражениями свое покровительство» (ч. III, стр. 4); «я окончаваю повесть» (ч. IV, стр. 170).

Во всех этих случаях употребления Елагиным славянских морфологических форм критерий слога, так четко сформулированный в ломоносовской «Грамматике», играет минимальную роль.

Наблюдение над лексическим составом языка перевода Елагина также приводит нас к выводу, что славянизмы лишь изредка имеют у него стилистическую функцию, как например при передаче торжественной речи отца Маркиза Г***, уходящего в монастырь: «Бог да сохранит тебя от всех зол; и да излиет на тебя источник щедрья своея благности» (ч. I, стр. 50). Обычно же славянизмы представляют собой слова в конкретном их значении, без какой-либо стилевой окраски: «Потщись, государь мой, я прошу тебя, призвать его ко мне» (ч. I, стр. 87); «человек, который в самом деле ради велеречия своего и несказанно доброй памяти за чрезвычайного мог почитаться» (ч. II, стр. 97); «отмщение властвует в Гишпании, подобно как и в Италии» (ч. III, стр. 37); «посмотри и воспомоществуй мне узнать точный разум сего письма» (ч. III, стр. 67); «она никогда приятнее влиянной им в грудь ея склонности ничего не чувствовала» (ч. III, стр. 67); «первагонадесять числа сего месяца... вышел указ, чтоб печальное <траурное> надевали платье» (ч. III, стр. 72); «еще в вечеру пиршество начало свое восприяло» (ч. III, стр. 149); «но вдруг лишився сил и купно с ними разума, упал на меня» (ч. IV, стр. 37).

Для лексики Елагина очень характерно употребление отглагольных существительных, образованных (нередко искусственно и, возможно, им самим) при помощи суффиксов *ани*, *ени* и *тель*: смотрение, ждание, потеряние, к разобранию, медление, убежание, к читанию, к данию («не принуждать меня к данию на то